Оригинальная исследовательская статья / Original research article

«Чтение самого себя»

Работа личности с художественным текстом в группе драматической импровизации

Е. Ю. Патяева
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ Статья посвящена личностной работе человека при встрече с художественным текстом. Автор опирается на психологию искусства Л. С. Выготского, в частности на его тезисы о том, что восприятие произведения искусства, во-первых, требует творчества и, во-вторых, продвигает нас по пути личностного развития. Встает вопрос о практиках, которые могут способствовать творчеству восприятия и активизировать внутреннюю работу личности при встрече с произведением. Одной из таких практик является разрабатываемый автором статьи метод драматической импровизации по мотивам художественных произведений. Метод соединяет в целостном процессе групповой работы: а) совместное чтение художественного текста, б) его обсуждение, в) творческую ролевую игру по мотивам прочитанного и г) психологическую работу, направленную на создание в группе безоценочной, принимающей, психологически безопасной и доверительной атмосферы. В статье описываются ключевые моменты метода и рассматриваются результаты выполненного под руководством автора статьи исследования, в котором сравниваются личностные итоги восприятия одного и того же художественного текста при его простом чтении и при работе с ним в группе драматической импровизации. Ни у кого из респондентов, просто прочитавших текст, он не вызвал сколько-нибудь глубокого личностного отклика. Напротив, участников драматической импровизации работа с текстом побудила не только к размышлениям на темы нравственности, но и к «чтению самих себя» и осмыслению своих поступков, переживаний и способов поведения. В статье также рассматривается предполагаемый механизм активизации личностной работы в группе драматической импровизации, отличающий описываемый метод от других практик работы с художественным текстом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА драматическая импровизация, творчество восприятия, чтение художественного текста, групповая работа, психология искусства

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Патяева, Е. Ю. (2025). «Чтение самого себя»: работа личности с художественным текстом в группе драматической импровизации. *Образовательная политика*, 20(1), 35–46.

© Патяева Е. Ю., 2025
Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4 License.
The content is available under
a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 01.02.2025
Принята: 15.02.2025
Дата публикации: 31.05.2025

Екатерина Юрьевна ПАТЯЕВА

к. псих. н., доцент, кафедра психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова
(125009, РФ, Москва, ул. Моховая, 11/9),
https://orcid.org/0009-0009-4945-885X,
e-mail: patyayeva@ya.ru

Введение

Как и произведения других видов искусства, художественный текст позволяет нам пережить невероятное, «раскрывает путь и расчищает дорогу самым глубоко лежащим нашим силам» (Выготский, 1986, с. 319). Однако для этого произведение должно быть воспринято «по-настоящему», т. е. не только в своем когнитивном содержании и не только в плане понимания его жанра, стиля и художественных особенностей, но и на более глубоком смысловом уровне, где совершается внутренняя работа личности.

Известно, в частности, что М. К. Мамардашвили читал роман Пруста «В поисках утраченного времени» трижды и лишь после третьего раза сказал, что прочитал роман по-настоящему (Голубович, 2020). Впервые он знакомится с переведенными на русский язык главами романа в юности, и об этом прочтении мы не знаем ничего, кроме самого факта. Второй раз он читает роман в оригинале и разбирает его с другом-французом, осознавая прустовское остроумие и глубину, его небанальность и незаумность — и получая наслаждение как читатель. Наконец, в третий раз Мамардашвили обращается к роману Пруста в период личной трагедии. В это время он пишет: «Страшная вещь — жизнь. Ничего нет на белом свете. Ничто не дано ни силе любви, ни силе ума и души, они не действующие силы. Победило зло… Нет спасения, камнем быть. Не чувствовать. Не видеть» (Голубович, 2020, с. 73). В этом состоянии души он открывает для себя произведение по-настоящему: как он говорит, «читает себя» с помощью Пруста. На этот раз чтение ведет его по пути переживания: он «узнает свои состояния в Прусте. Он узнает самого себя — как конкретно вот это “энтропийное” существо, которое раздирает боль, раздражение, печаль мира, которому являются впечатления и оно не может их расшифровать» (Там же, с. 75). И результатом прохождения пути становится кардинальная трансформация всего его образа мира, так что в итоге — в лекциях о Прусте — он скажет: «…структура растворения страсти обязательно несет радость; как бы ни было плохо, какой бы печальный мир ни вырисовывался в свете понимания, все равно нет печали, а есть радость понимания и сознание своего человеческого достоинства» (Мамардашвили, 2016, с. 694).

Конечно, не каждый читатель способен самостоятельно повторить путь личностной работы, пройденный М. К. Мамардашвили. Однако в культуре выработаны особые практики, помогающие нам осуществлять свой собственный путь «чтения себя» с помощью художественных произведений: это и литературная критика (Выготский, 1986, с. 320–323; Мамардашвили, 1984), и библиотерапия (Некрасова, 2006), и школьные уроки литературы, и обсуждения в читательских клубах. Настоящая статья посвящена одной из таких практик — методу драматической импровизации по мотивам художественных произведений, развиваемому нами с 2012 года (Патяева, 2015, 2019а, 2019б, 2023, 2024). Это метод групповой психологической работы, позволяющий активизировать процесс внутренней работы личности при восприятии художественного произведения и тем самым расширить возможности «прочитывать себя» с помощью текста. Задача статьи состоит в том, чтобы описать ключевые характеристики метода и показать его результаты в сравнении с «просто чтением» того же самого художественного текста.

Метод

Суть описываемого метода — объединение в целостном процессе групповой работы а) совместного чтения художественного текста по ролям, б) его обсуждения, в) творческой ролевой игры по мотивам прочитанного и г) психологической работы, направленной на создание в группе безоценочной, принимающей, психологически безопасной и доверительной атмосферы (Патяева, 2015, 2019а, 2019б, 2023, 2024).

Метод основывается на принципах и достижениях целого ряда психологических концепций. Прежде всего это психология искусства Л. С. Выготского, в частности следующие тезисы:

- задача «искусства заключается в том, чтобы заставить нас пережить невероятное,

для того чтобы какую-то необычайную операцию проделать над нашими чувствами» (Выготский, 1986, с. 236);
- искусство претворяет, преодолевает и просветляет наши повседневные чувства, и в этом состоит его самое важное назначение (Там же, с. 306);
- не только создание произведения искусства, но и его восприятие есть творческий акт (Там же, с. 312–313);
- «для восприятия искусства недостаточно просто искренне пережить то чувство, которое владело автором, недостаточно разобраться и в структуре самого произведения — необходимо еще творчески преодолеть свое собственное чувство, найти его катарсис, и только тогда действие искусства скажется сполна» (Там же, с. 312–313);
- искусство «действует подобно землетрясению, обнажая к жизни новые пласты» и направляя нас вперед по нашему жизненному пути, «заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней» (Там же, с. 319).

В КУЛЬТУРЕ ВЫРАБОТАНЫ ОСОБЫЕ ПРАКТИКИ, ПОМОГАЮЩИЕ НАМ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ «ЧТЕНИЯ СЕБЯ» С ПОМОЩЬЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В плане собственно групповой работы мы опираемся на человекоцентрированный подход К. Роджерса (принципы безоценочности, принятия, «я-высказываний» и т. д.), экзистенциальную психологию (акцент на личном и групповом выборе и ответственности за свои выборы), общепсихологическую теорию деятельности А. Н. Леонтьева (первичность действия по отношению к сознанию и образу), а также на тезис об экзистенциальном равенстве психолога и тех людей, с которыми он работает, наиболее последовательно воплощаемый в нарративной практике М. Уайта.

Работа в группе начинается с совместного выбора произведения (или отрывка) из имеющихся вариантов, предложенных ведущим и участниками группы. Задача этого этапа состоит в том, чтобы выбрать текст, максимально созвучный актуальным в данный момент для участников группы темам и настроениям. Затем текст прочитывается по ролям, выбранным участниками. Если группа уже обладает опытом драматической импровизации, то текст может не просто читаться, но и разыгрываться. После прочтения текста каждый может высказать свои впечатления, чувства, отношение к персонажам. Обычно именно на этом этапе возникают идеи импровизации. Но бывает и так, что чтение сразу переходит в импровизирование, без каких-либо предварительных обсуждений.

Сама драматическая импровизация — это спонтанное разыгрывание участниками группы своего собственного продолжения прочитанного или своей альтернативной версии развития сюжета. Здесь возможно все: Ромео может похитить и увезти Джульетту, Онегин может помириться с Ленским, Джейн Эйр может дерзко и иронично ответить своему кузену-пастору. Если, читая текст, мы следуем замыслу автора, то, импровизируя, мы вносим в смысловое пространство текста самих себя, тем самым на время создавая общее эмоционально-смысловое пространство, как бы сплавляющее воедино мир произведения и субъективные миры участников игры. Важно отметить, что прообразом импровизации для нас выступает не актерская игра, но спонтанная ролевая игра ребенка: актер играет для зрителя, и ему важно адекватно *показать* действия персонажа и *выразить* его внутренние переживания, тогда как ребенок играет для себя и ему важно *прожить* и *пережить* разыгрываемую ситуацию. Участник группы в этом подобен ребенку: он играет *для себя,* и он, по точному замечанию участницы одной из групп, «никогда не

знает, что из него полезет». То, как ощущается импровизация изнутри, удачно выразила еще одна участница: «Играть было интересно, потому что в процессе игры возникали реальные чувства, ощущения по отношению к ситуации. Когда я играла роль — я не думала о том, что сейчас мне сказать, а жила за этого человека, ко мне в голову просто приходили слова». Отметим, что в импровизации могут появляться новые персонажи, отсутствовавшие в исходном тексте, но подразумеваемые событийной логикой сюжета. В зависимости от имеющегося времени может быть сыграна как одна импровизация, так и несколько различных импровизаций.

Далее следует обмен впечатлениями и свободное обсуждение, в ходе которого каждый может поделиться своими чувствами и переживаниями, высказать свое мнение о персонажах произведения и затронутых темах, а также соотнести какие-либо ситуации и переживания по поводу прочитанного и сыгранного со своим прошлым или текущим опытом. Завершается совместная работа подведением личных итогов — это могут быть мысли, переживания, вопросы, размышления и так далее.

Личностные результаты

В выполненной под нашим руководством дипломной работе К. В. Полутиной (2024) сравнивались личностные результаты «творчества восприятия» при работе с одним и тем же художественным текстом: часть респондентов участвовала в группе драматической импровизации (респонденты 1–6), другие же этот текст просто читали (респонденты 7–12). Респондентами были студенты шестого курса факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Они читали фрагмент из романа современного каталонского писателя Жауме Кабре «Я исповедуюсь». В прочитанном отрывке рассказывается о нацистском враче Буддене. Он проводил в Освенциме эксперименты на детях и взрослых, а в последующие годы прошел долгий и тяжелый путь раскаяния, работая врачом в затерянной в пустыне африканской деревне и одновременно осознавая, что искупить такую вину невозможно. Через несколько десятилетий после войны Буддена находит киллер, посланный, предположительно, родственниками его жертв, между киллером и врачом происходит довольно драматичный и неожиданный диалог; затем киллер убивает Буддена и еще нескольких случайно оказавшихся рядом сотрудников и пациентов больницы.

В группе драматической импровизации были сыграны две импровизации, в обеих разыгрывались встреча и разговор киллера с заказчиком после осуществления убийства. Одна из этих импровизаций, в которой заказчиком был отец семилетней девочки, убитой Будденом в Освенциме, тронула практически всех участников группы. Остались и не сыгранные варианты импровизаций. У многих участников возникли свои замыслы, разыграть которые группе не хватило времени.

С каждым из респондентов, принявших участие в исследовании, было проведено по два полуструктурированных исследовательских интервью: до знакомства с текстом и после него. Темой первого интервью были нравственные представления респондентов; среди прочего им задавались вопросы об их собственных нравственных и безнравственных поступках, а также вопрос о том, считают ли они нравственным наказывать смертной казнью человека, совершившего убийство. Второе интервью было посвящено обсуждению впечатлений, оставшихся после прочтения текста или после участия в групповом занятии, на котором этот текст читался и разыгрывался. В частности, интервьюер спрашивал о том, затронул ли текст респондента эмоционально, возникли ли у него какие-либо вопросы к самому себе о себе и своей жизни, поменялись ли какие-либо представления, появились ли новые ответы на вопросы, связанные с нравственностью.

Анализ интервью показал, что *ни у кого из просто читавших студентов текст не вызвал никакого личностного отклика,* хотя многим из них он показался интересным. Проиллюстрируем это выдержками из интервью.

Респондент 7

Интервьюер: *Что в ходе прочтения текста показалось тебе важным или как-то откликнулось?*

Респондент: Когда я читаю такие тяжелые вещи, они не воспринимаются как тяжелые, потому что нет полного осознания, что такое могло происходить на самом деле. Я спокойно прочла этот текст.

И.: *Вызвал ли текст у тебя эмоции или переживания?*

Р.: Сначала было отстраненное восприятие текста. Потом я немного прониклась Будденом, была зла на киллера за то, что он убил невинных людей.
К тексту, скорее, был интерес. Мне интересна сама тематика войны, было интересно прочесть новое по этой теме. Каких-то сильных эмоций не вызвало.

Респондент 8

И.: *Вызвал ли у тебя текст эмоции или переживания?*

Р.: Не вызвал. Это просто сюжет, я прочла, но сильно меня он не затронул.

И.: *Как думаешь, могло ли измениться твое отношение к какому-то вопросу или проблеме после прочтения текста?*

Р.: Нет. Это как внешний источник для ознакомления с историей одного доктора, глубинно к себе я не отношу написанное, поэтому ничего не могло измениться.

И.: *Возникли ли для тебя какие-то новые вопросы по итогам прочтения?*

Р.: Думаю, нет. Так как сам текст меня в себя не погрузил, это просто было ознакомление с историей, просто чтение.

Респондент 9

И.: *Что в ходе прочтения текста показалось тебе важным, что откликнулось?*

Р.: Сама история необычная, было интересно прочитать, не более того.

И.: *Были ли в тексте темы или проблемы, которые показались тебе значимыми?*

Р.: Скорее нет. Не было таких тем.

И.: *Вызвал ли у тебя текст какие-то эмоции или переживания?*

Р.: Текст вызвал скорее интерес к самой истории, к самому произведению. Там были ситуации выбора, но погрузиться как-то не удалось. Выбор судьбы, поступков доктора, выбор киллера, когда он принципиально был настроен убить доктора. Это все как внешняя история, и я как чтец, и сам текст не вызывает ничего, кроме интереса.

И.: *Могло ли измениться что-то после прочтения текста? Возможно, твое отношение к какой-то теме, вопросу или проблеме?*

Р.: Думаю, нет. Скорее я меняю нравственные воззрения, исходя из собственных поступков или очень глубоких размышлений, а не из текста. Сам текст дает общее понимание, но не глубину. Текст не дал мне возможность подумать над чем-то своим.

И.: *Возникли ли у тебя новые вопросы по итогам прочтения текста?*

Р.: Нет, вряд ли. Сам текст меня не сильно затронул, в глубину уйти не получилось.

ЕСЛИ, ЧИТАЯ ТЕКСТ, МЫ СЛЕДУЕМ ЗАМЫСЛУ АВТОРА, ТО, ИМПРОВИЗИРУЯ, МЫ ВНОСИМ В СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА САМИХ СЕБЯ

Респондент 10

И.: *Затронул ли тебя какой-то вопрос или тема, которая поднималась в тексте?*

Р.: Мне очень не понравилось детальное описание издевательств над людьми, описание подробностей экспериментов. Для меня это очень негативные переживания вызывает. Тема издевательств над людьми, мне всегда неприятно слышать или читать про такое.

И.: *Вызвал ли у тебя текст какие-то эмоции или переживания?*

Р.: Сам текст не вызвал, только эти подробности экспериментов — вызвали негативные переживания. Нацизм — это плохо, но это было понятно и без этого текста.

И.: *Могло ли что-то у тебя измениться после прочтения текста? Эмоциональное отношение к какому-то вопросу или отношение к проблеме?*

Р.: Нет, точно нет. Я знаю и понимаю те вещи, которые представлены в тексте. Это было

просто прочтением истории. Такой текст, на мой взгляд, не мог повлиять на мои какие-то представления, и подкрепить их тоже не мог, потому что для меня важнее поступки из моей реальной жизни, чем поведение выдуманных персонажей.

И.: *По итогам прочтения текста возникли ли у тебя какие-то новые вопросы?*

Р.: Наверное, нет. Насилие — это плохо, но это уже сформированная позиция у меня, поэтому новых вопросов не появилось.

Респондент 11

И.: *Вызвал ли у тебя текст какие-то эмоции или переживания?*

Р.: Только сопереживание этой девочке, но для меня тематика такая, военная, она не новая, поэтому каких-то сильных переживаний у меня не возникло.

И.: *Могло ли что-то у тебя измениться после прочтения текста? Отношение к теме, вопросу или проблеме.*

Р.: Для меня эта тема знакома, есть устоявшееся мнение, поэтому чего-то нового появиться у меня не могло изначально.

И.: *Возникли ли у тебя какие-то новые вопросы по итогам прочтения текста?*

Р.: Военная тема для меня не новая, поэтому мое устоявшееся отношение не изменилось, и чего-то нового не появилось.

Респондент 12

И.: *Было ли что-то в тексте, что тебя затронуло или показалось значимым?*

Р.: Трудно было воспринимать то, как человек из-за идеи готов лишать жизни других людей.

И.: *Вызвал ли текст у тебя какие-то переживания или эмоции?*

Р.: Сильных эмоций не вызвал. Только гордость за поступок девочки, сострадание к неповинным людям.

И.: *Изменилось ли твое отношение к какой-то теме, проблеме или вопросу после прочтения текста?*

Р.: Скорее нет. Про ужасы нацизма я знала и до прочтения текста. Но саму историю было интересно прочесть, хотя ничего нового я в ней, наверное, не встретила.

И.: *По итогам прочтения текста возникли ли у тебя какие-то новые вопросы?*

Р.: Наверное, нет. Как я и говорила, я уже знакома с темой нацизма, и какими-то связанными с этой темой вопросами я уже задавалась в определенные периоды жизни, когда сталкивалась с этой темой. Скорее ничего нового у меня не появилось.

Итак, текст либо совсем не затронул респондентов этой группы, хотя и показался им интересным, либо вызвал негативные переживания, от которых хотелось отстраниться. Никого из читавших текст не задел сколько-нибудь глубоко, ни у кого не появилось ни новых вопросов к себе, ни новых ответов. Самое большее — захотелось прочесть книгу полностью, чтобы лучше разобраться в сюжете. И как рефрен почти у каждого звучит: я и так все это знаю, на меня это повлиять не могло. При этом на когнитивном уровне текст был адекватно понят всеми участниками.

У респондентов не случилось ни читательского творчества, ни преодоления чувств, ни небывалого ранее опыта. Образ мира остался неизменным. Для автора этих строк именно данный результат оказался наиболее удивительным, ибо на нее саму текст произвел настолько сильное впечатление, что ей удалось разобраться с этим впечатлением далеко не сразу. При том, что тема нацизма знакома автору статьи ничуть не меньше, чем студентам.

Рассмотрим теперь результаты студентов, участвовавших в группе драматической импровизации. Текст личностно затронул почти каждого из них, обратил их к самим себе, дал пищу для переживаний и размышлений. При этом сами вопросы, переживания и размышления оказались различными. Обратимся к выдержкам из интервью.

Респондент 1

И.: *Как думаешь, могло ли что-то для тебя измениться? Может, появились новые вопросы?*

Р.: Если говорить о нравственности, то я скорее утвердилась в своих принципах и идеях, дополнила свое представление о нравственных поступках. Если рассматривать в целом, то для меня встал большой личный вопрос — зачем я часто стараюсь

перекладывать ответственность и что это вообще для меня значит. Где у меня еще может проявляться такое перекладывание и что это у меня за привычка?

И.: *Если говорить про вариант импровизации, который хотела бы предложить ты, — в чем могло проявиться такое перекладывание ответственности?*

Р.: Я бы написала возмущенное письмо, направленное на вопросы о том, зачем, помимо заказанного мной человека, убили еще невинных свидетелей. Это было бы возмущение, что киллер отошел от моего задания. Это перекладывание ответственности с себя как с заказчика на киллера. Мне было бы неприятно оттого, что я заказала конкретных людей, а погибли еще люди. Это перекладывание груза вины. Хотелось этот груз снять с себя и обвинить киллера.

И.: *В первый раз ты упомянула, говоря о появившихся у тебя вопросах, о теме конфликтов. Можешь попробовать уточнить?*

Р.: У заказчика был внутренний конфликт: с одной стороны, был убит заказанный человек, а с другой стороны, были убиты и невинные люди, и это неправильно. От этого пришел и внешний конфликт с киллером: к нему возникли вопросы, почему пострадало так много людей. И я задумалась о конфликтах в моей жизни, поняла, зачем говорить некоторые вещи, если они приводят только к перекладыванию ответственности и облегчают ситуацию только временно, но глобально не меняют ситуацию. Я осознала, что иногда лучше признать, что ты испытываешь определенные чувства, что тебе не стало легче, а не перекладывать на других ответственность за ситуацию.

Респондент 2

И.: *Какие качества могут быть присущи нравственному человеку?*

Р.: После прочтения текста, на примере героев, можно сказать, что это способность осознавать свои ошибки. Если ты совершаешь что-то безнравственное, даже противоправное — ты это можешь осознать и постараться искупить свою вину. При этом ты понимаешь, что на тебе лежит груз ответственности за твои поступки, если ты нравственный человек. Такой человек признает свои ошибки, стремится их исправить, компенсировать ущерб.

И.: *Могло ли по итогам занятия измениться твое отношение к чему-то? К какой-то теме или вопросу?*

Р.: Если говорить про вопросы «на подумать» — я не понимаю, почему все участники были такими доброжелательными. Почему никто не думал с позиции другой? Все говорили только о том, что надо всех пытаться простить, но не рассматривали других вариантов. Я задалась вопросом, почему общее мнение сосредоточилось вокруг позиции прощения.

С КАЖДЫМ ИЗ РЕСПОНДЕНТОВ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ, БЫЛО ПРОВЕДЕНО ПО ДВА ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРВЬЮ: ДО ЗНАКОМСТВА С ТЕКСТОМ И ПОСЛЕ НЕГО

Респондент 3

И.: *Возможно, какая-то из тем тебе откликнулась, помогла о чем-то задуматься?*

Р.: Тема того, как жить с эмоциями, с чувствами, которые остаются после каких-то ситуаций. В обсуждении поднималась тема того, как все-таки можно принять свои негативные действия из прошлого и отпустить вот эти переживания за содеянное, как не горевать еще много лет после всего произошедшего. Это было для меня актуально. Это — основная тема, которая затронула.

И.: *По итогам занятия в целом могло ли измениться какое-то твое отношение к теме, вопросу или проблеме?*

Р.: Точно да. Для меня сильную роль в этом сыграла импровизация, в которой я была заказчиком. Возникало много новых ощущений, мыслей, видений. За счет импровизации я получила очень актуальных переживаний,

и через импровизацию я глубже поняла и этого врача, и киллера. У меня поменялось впечатление о тексте. Изначально было черно-белое видение текста — есть плохие и есть хорошие. А потом, после сценок, все стало более объемное. Я поняла, что за каждым персонажем скрывается своя история и в каждом герое текста сочетается и хорошее, и плохое, только в разном соотношении в разные периоды жизни.

И.: *То есть персонажи стали пониматься объемнее, и пришло понимание, что все не так однозначно?*

Р.: Да.

И.: *Если попробовать выйти за рамки текста и попробовать перенести твои впечатления на реальную жизнь: как думаешь, могло ли у тебя как-то измениться отношение к каким-то вещам?*

Р.: Думаю, да. Можно было бы сказать, что я осознала больше богатство каждой человеческой истории, человеческой жизни. У меня после занятия появилось ощущение комплексности, целостности не только себя, но и людей в целом. Эти вещи не всегда просто осознать, потому что часто не хватает чего-то, что нам бы напоминало о нашей жизни. И вот текст и импровизация в моем случае мне напомнили о жизни.

И.: *Возникли ли у тебя новые вопросы после занятия и знакомства с текстом?*

Р.: У меня возникли вопросы о том, каково было жить в то время и в стране, где проводились такие эксперименты на людях. И вообще, какой след оставил тот временной период, те события, на народе в целом. У меня появилось ощущение масштаба тех событий, той войны. Какие последствия и как затронули и мою семью. Вот эти вопросы мне интересны. В целом, еще сама тема нравственности, о которой, наверное, я со школы так глубоко не задумывалась. Тут тема нравственности стала более близкой, стало более понятным мое отношение к каким-то вещам.

Респондент 4

И.: *А как тебе финальная импровизация?*

Р.: Она меня затронула, и у меня изначально как раз были ощущения, как можно было бы сыграть заказчика, но не было в этом уверенности. Мне откликнулась идея с заказным убийством — убить самого заказчика. Чувствовалось, что герои находятся не в равных позициях. Один хотел поговорить, эмоционально, но второй на эти эмоции был не готов. И это было максимально жизненно для меня, актуально.

И.: *Откликнулось именно желание одного эмоционально осветить какую-то тему? Или откликнулась одна из тем в их разговоре?*

Р.: И тема, и эмоциональный фон разговора. Мне понравилась тема — сам разговор между неудовлетворенным заказчиком и киллером. Я начала думать, а как бы я это разыграла, или как бы эта история могла завершиться.

И.: *Как думаешь, могло ли что-то измениться после такой работы с текстом? Может быть, мнение по отношению к определенному вопросу или теме?*

Р.: Я больше обратила внимание на свои принципы, во-вторых, я лучше поняла, что я чувствую по отношению к некоторым ситуациям. Расширилось мое понимание того, как думают насчет разных тем другие люди, дополнилось это понимание того, как люди думают, в том числе и насчет моей позиции. Я получила взгляд со стороны на все мои идеи, которые поднимались в обсуждении.

И.: *Возникли ли у тебя новые вопросы по итогам занятий?*

Р.: Да, было, мне поэтому была близка позиция доктора, потому что я бы хотела быть таким человеком, который готов настолько погрузиться в искупление вины, чтобы прямо отказываться от всего. И я подумала, что хотела бы в жизни избегать совершения таких поступков, после которых мне бы приходилось долго искупать вину. Я бы не хотела чувствовать вину настолько сильно. И я думала над тем, что если бы я была заказчиком — то я бы нашла силы жить дальше, а не тратить свою жизнь на месть. Хотелось бы быть человеком, который был бы способен пережить такие негативные события и пойти дальше. После занятия у меня появилось большее понимание того, каким человеком я бы хотела быть.

И.: *С какими мыслями ты ушла после занятия?*

Р.: Я больше поняла то, каким человеком я хочу быть. Появилось больше желания проявлять по жизни больше активности в сторону нравственности — не только быть пассивной и не делать зла, но и активно совершать что-то доброе.

Респондент 5

И.: *В обсуждении текста или сценок поднимали ли тему, которая показалась тебе интересной, важной?*

Р.: Я помню тему про смертную казнь. Были споры, как правильнее поступить с доктором.

И.: *Была поднята также проблема мести…*

Р.: Отомстив, ты не закрываешь свои внутренние вопросы. Эта тема мне ближе. Я бы не сказала, что она для меня полностью закрыта. Исходя из темы домашнего насилия, где часто звучат вопросы о том, что можно отомстить, и станет легче. Возможно, но не всегда. И человек все равно может остаться с пустотой и неудовлетворенностью, и человеку остается только простить. У меня эта идея в голове не укладывается: я ее частично принимаю, но частично — нет. Если рассмотреть в рамках текста, на месте заказчика я не уверена, что смогла бы простить убийцу, даже спустя годы. Один ты этого сделать не можешь, пройти через все эти стадии принятия и прощения. Найти кого-то, с кем ты бы мог разделить это, удается далеко не всем. Поэтому я не знаю, какую позицию я бы заняла.

И.: *Возникли ли у тебя какие-то новые вопросы по итогам занятия?*

Р.: Возможно, вопрос на подумать — вопрос о мести, о том, как и кому все-таки можно мстить, а кому нет. И если ты мстишь, не всегда, наверное, это безнравственно. Да, вопрос мести, которая не всегда еще помогает простить человека, не всегда помогает заполнить пустоту внутри, вот это пока актуальные моменты.

Респондент 6

И.: *Было ли что-то на занятии, что тебе запомнилось, откликнулось или показалось важным?*

Р.: В целом, тексты про военные события я часто читала. И какие-то жизненные истории про военные события меня сейчас окружают. Занятие было чем-то, что погружало меня в привычную обстановку. Что касается самого текста и рефлексии над ним, меня затронул вопрос про искупление вины, именно в моем личностном плане. Я задумалась о том, как можно жить с определенным грузом ответственности, и вообще можно ли с этим жить. Вопрос остается для меня открытым, но какую-то определенность я для себя нашла.

И.: *Изменилось ли твое отношение к какой-то теме, вопросу или проблеме по итогам такого занятия?*

Р.: Я еще раз задумалась про самопрощение и про то, насколько реально жить с грузом ответственности или вины, про то, насколько этот груз осознается и переживается. Второй момент: во мне иногда просыпается дилемма жестокости. Она проснулась и на занятии. С одной стороны, действительно бессмысленно и несправедливо было бы казнить убийцу, если это было бы в мирное время. С другой стороны, имеет место какая-то ненависть, особенно если история с убийцей затрагивает лично тебя, и ненависть полностью тогда оправдывает эту жестокость. Эта боль выступает как оправдание, чтобы сделать больно кому-то другому. Мне стал интересен вопрос и про самооправдание и оправдание действий другого.

МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРВЬЮ ПРИОТКРЫВАЮТ ПЕРЕД НАМИ СПЕЦИФИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ АКТИВИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ РАБОТЫ В ГРУППЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

И.: *Был ли у тебя вариант импровизации, который ты хотела бы предложить на занятии?*

Р.: Мне было бы интересно разыграть попытку доктора исповедоваться. Было бы [интересно] посмотреть на реакцию доктора, когда ему отказывают в отпущении грехов, как потом доктор поступает после такого. Когда извне говорят, что простить за такое нельзя, было бы интересно посмотреть реакцию.

И.: *Возникли ли у тебя новые вопросы по итогам занятия?*

Р.: Про груз ответственности, можно ли с ним жить. Про вот это переживание своей вины

и оправданность отвечать жестокостью на жестокость.

И.: *С какими мыслями ты уходила после обсуждения на занятии?*

Р.: Была определенная тяжесть, потому что военные темы для меня всегда сопряжены с чем-то неприятным. В отклике на занятие я выразила мысль, что такие тяжелые и нагруженные эмоционально темы порождают у меня эмоциональную отстраненность, чтобы не брать на себя такую эмоциональную тяжесть, которая может повлиять на мое состояние. Важно в таких сложных вопросах помнить, что совсем от эмоций в рациональность уходить нельзя, особенно в таких тонких вопросах, затрагивающих нравственность, мораль, важно не забывать про эмоциональную сторону вопроса, потому что именно эмоциями регулируется социальное взаимодействие, и к ним тоже важно прислушиваться. Это тоже было каким-то новым для меня моментом, о котором я раньше не думала.

Мы видим, что в контексте драматической импровизации текст вызвал личностный отклик у респондентов и оказался своего рода ключом к целому ряду тем их внутренней работы. Часть откликов у нескольких респондентов совпадает: кто-то смог лучше уяснить и утвердить свои нравственные позиции (респ. 1, 3, 4), кто-то расширил свое понимание мнения других людей по нравственным вопросам (респ. 2, 4), кто-то задумался о том, как жить с грузом ответственности и вины, остающимся после совершения негативных поступков (респ. 3, 6). Остальные темы оказались индивидуальными: перекладывание ответственности на других и свое собственное поведение в конфликтах (респ. 1), расширение представлений о нравственных качествах (респ. 2), осознание богатства и многомерности каждой человеческой жизни и влияние исторических событий на собственную семью (респ. 3), понимание того, «каким человеком я хочу быть» (респ. 4), тема мести, внутренней пустоты и прощения (респ. 5), «дилемма жестокости» и важность преодоления своей эмоциональной отстраненности (респ. 6).

Общие для нескольких человек темы достаточно тесно связаны с форматом работы (уяснение и утверждение своих позиций и расширение понимания мнений других людей) и содержанием прочитанного фрагмента романа (как жить с грузом ответственности и вины). Что касается индивидуальных тем, то каждая из них также связана с содержанием текста, но в то же время затрагивает и раскрывает то, что именно для данного человека актуально сейчас в его собственной жизни.

Таким образом, получается, что выбранный нами фрагмент романа Ж. Кабре «Я исповедуюсь» находится в своеобразной *зоне ближайшего личностного развития* студентов-психологов: самостоятельное его чтение не затронуло их сколько-нибудь глубоко, тогда как чтение в условиях группы драматической импровизации оказалось личностно значимым. Отметим, что понятие зоны ближайшего *личностного* развития вытекает из тезиса Л. С. Выготского о возможности распространить понятие зоны ближайшего развития на развитие личности в целом, а также из многовекторной модели зоны ближайшего развития (Зарецкий, 2024).

Действие в импровизации

Активизировать внутреннюю работу личности при чтении художественного произведения могут и другие практики работы с текстом, например читательские обсуждения, библиотерапия или школьные уроки литературы. Отчасти результаты всех таких практик определяются общими механизмами, отличающими их от простого чтения. Наиболее очевидный из этих механизмов — это обсуждение прочитанного текста, объединяющее драматическую импровизацию со всеми названными выше практиками. Несколько более специфичным является создание доверительной и открытой психологической атмосферы, принципиально важной для драматической импровизации и библиотерапии и менее обязательной для читательских обсуждений и школьных уроков.

Но каждой практике присущи и свойственные только ей механизмы работы. Материалы интервью приоткрывают перед нами такой специфический механизм активизации внутренней работы в группе драматической импровизации. Он состоит в том, что между событиями и поступками героев в сюжете и событиями, поступками и переживаниями в жизни читающего появляется связующее звено: *действия и поступки в импровизации,* приближающие мир произведения к жизни читателя. Они могут быть *внешними* (действие за персонажа в импровизации) или *внутренними* (мысленное примеривание: как бы я поступил на месте того, кто играет эту роль), «*авторскими*» (предложение своего варианта импровизации) или «*игровыми*» (исполнение роли), но они всегда включают самого человека в происходящее. Наиболее очевидно этот механизм проявляется у Респондента 1: у него возникает идея импровизации, где заказчик перекладывает ответственность на киллера, и затем он осознает, что такое перекладывание ответственности свойственно и ему самому. В свою очередь, Респондент 3, игравший главную роль в импровизации, прямо говорит о том, что действия в роли привели к возникновению множества новых ощущений, мыслей и видений. Респондент 4 упоминает, что мысленно примерялся к роли заказчика. Респондент 5, игравший в импровизации киллера-мстителя, задумывается о мести, Респондент 6 придумывает вариант импровизации про неотпущение грехов и вину и задумывается о том, как жить с подобным грузом, и о «дилемме жестокости». И только Респондент 2, у которого сам текст вызвал наименьший отклик, оставался в позиции просто зрителя импровизации.

Заключение

Произведение искусства, как мы видели на примере М. К. Мамардашвили, дарит человеку возможность справляться с самыми трагическими ситуациями, «переживать невероятное» и продвигаться по своему личностному пути. При этом каждый читатель находится на каком-то собственном этапе этого пути, так что для каждого есть личная зона «уже пройденного», собственная зона актуального развития и своя зона ближайшего *личностного* развития, в которой человек оказывается способен проживать личностно значимый опыт с помощью специальных практик работы с художественным произведением.

Одной из таких практик и выступает разрабатываемый нами метод драматической импровизации по мотивам художественных текстов. Специфическим для него механизмом, активизирующим процесс личностного переживания текста и внутренней работы участников группы, выступает появление опосредующего звена, устанавливающего связь между событиями и поступками героев в произведении с событиями и поступками в жизни читателя через действия (внешние и внутренние) и переживания читателя в импровизации. Поэтому личностные результаты участников импровизации оказываются различными, в зависимости от их актуальных жизненных вопросов и ситуаций.

Список источников

Выготский, Л. С. (1986). *Психология искусства* (3-е изд.). Искусство.

Голубович, К. (2020). *Мамардашвили: встречи на неизвестной родине.* Фонд Мераба Мамардашвили, Логос.

Зарецкий, В. К. (2024). Зона ближайшего развития: эволюция понятия. *Культурно-историческая психология, 20*(3), 45–57. EDN: PARQTX.

Кабре, Ж. (2024). *Я исповедуюсь.* Азбука.

Мамардашвили, М. К. (1984). Литературная критика как акт чтения. *Вопросы философии*, 2, 99–102.

Мамардашвили, М. К. (2016). *Психологическая топология пути* (т. I). Фонд Мераба Мамардашвили.

Некрасова, Ю. Б. (2006). *Лечение творчеством.* Смысл.

Патяева, Е. Ю. (2015). Драматическая импровизация: практика поддержки саморазвития личности. *Журнал практического психолога*, 3, 175–197.

Патяева, Е. Ю. (2019а). Драматическая импровизация как духовная практика. В Д. А. Леонтьев, А. Х. Фам (Ред.), *Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений* (стр. 72–79). Смысл.

Патяева, Е. Ю. (2019б). На пути к вершинной психологии: практики поддержки саморазвития личности (на примере драматической

импровизации). В Г. Г. Кравцов (Ред.), *Психология личности: культурно-исторический подход. Материалы XX Международных чтений памяти Л. С. Выготского* (т. 2, стр. 90–96). Левъ.

Патяева, Е. Ю. (2023). Драматическая импровизация по мотивам художественных произведений как опыты «третьего чтения». В В. С. Собкин, Т. А. Лыкова и др. (Ред.), *Проблемы психологии искусства: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (стр. 294–300). ФНЦ ПМИ, МГУ имени М. В. Ломоносова. EDN: SQFUJM.

Патяева, Е. Ю. (2024). Драматическая импровизация и чтение художественной литературы как экзистенциальные практики. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, *43*(2), 51–66.

Полутина, К. В. (2024). *Влияние опыта драматической импровизации на нравственные переживания студентов-психологов* [дипломная работа, МГУ им. М. В. Ломоносова].

Reading Oneself. Work of the Individual with a Fiction Text in a Dramatic Improvisation Group

Ekaterina Yu. Patyaeva
PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (11/9, Mokhovaya Str., 125009, Moscow, Russian Federation), https://orcid.org/0009-0009-4945-885X, e-mail: patyayeva@ya.ru

ABSTRACT The article is devoted to the psychological work of a person when encountering a literary text. The author relies on the psychology of art by L. S. Vygotsky, in particular, on his theses that the perception of a work of art, firstly, requires creative activity and, secondly, advances us along our path of personal development. Since such perception does not always occur, the question arises about practices that can promote creative activity of perception and activate the internal work of the individual when encountering a literary work. One of such practices is the method of dramatic improvisation based on literary works developed by the author of the article. The method combines in a holistic process of group work a) joint reading of a fiction text, b) its discussion, c) creative role-playing based on what has been read, and d) psychological work aimed at creating a non-judgmental, accepting, psychologically safe and trusting atmosphere in the group. The article describes the key points of the method and examines in detail the results of a study conducted under the supervision of the author of the article, which compared the personal results of perception of the same fiction text during its simple reading and during work with it in a dramatic improvisation group. None of the respondents who simply read the text evoked any deep personal response. On the contrary, the work with the text prompted the participants of dramatic improvisation not only to reflect on moral topics, but also to "read themselves" and comprehend their actions, experiences and behavior patterns. The article also examines the proposed mechanism for activating psychological work of a person in a dramatic improvisation group, which distinguishes the described method from other practices of working with literary texts.

KEY WORDS dramatic improvisation, creative activity of perception, reading fiction, group work, psychology of art

TO CITE Patyaeva, E. Yu. (2025). Reading Oneself. Work of the Individual with a Fiction Text in a Dramatic Improvisation Group. *Educational Policy*, 20(1), 35–46.

© Patyaeva E. Yu., 2025

Received: 01.02.2025
Accepted: 15.02.2025
Date of publication: 31.05.2025